

В мае исполняется сорок лет со дня выхода первого номера журнала «Молодая гвардия».

«Мы хотим стать органом революционного воспитания, идейно-политического вооружения молодых отрядов рабочего класса». — в этом первая молодоговардейская редакция видела свою основную задачу. Журнал сумел объединить вокруг себя значительные силы молодой советской литературы. В журнале сотрудничали М. Горький, В. Маяковский, Д. Фурманов, М. Шолохов, А. Фадеев, А. Толстой, Э. Багрицкий, А. Твардовский, В. Луговской, Н. Асеев, А. Караваева, А. Исбах, Н. Ушаков, В. Ерилов и другие видные прозаики, поэты, критики. На страницах «Молодой гвардии» впервые увидели свет романы Н. Островского «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей».

И сейчас журнал делает большое дело — дело коммунистического воспитания нашей молодежи художественным, публицистическим словом.

«Литературная газета» горячо приветствует «Молодую гвардию» со славным юбилеем и желает журналу больших творческих успехов.

Сегодня мы печатаем отрывок из воспоминаний одного из старейших «молодогвардейцев» — писательницы Валерии Герасимовой.

«Мы — «Молодая

литературе и уже печатались. Одновременно учились — кто на рабфаке, кто на литературном отделении 1-го МГУ, кое-кто в Брюсовском литературном институте.

Нам страстно хотелось постигнуть тайны литературного мастерства.

Могучий, широкоплечий Артем Веселый, парень в полосатой флотской тельняшке, обклеил все стены своей комнатки, а также знаменитый альков листками рукописи.

— Так все на виду, — угромо пояснил он. И переходя от стенки к стенке, яростно вычеркивал штампованные литературные обороты и банальные образы. Особенно свирепо расправился Артем с теми или иными «красивостями». — «Лазурное море», черт побери, как у меня это проскочило! — злобно работал он карандашом.

Не знаю, насколько эта своеобразная методика помогла рождению того емкого и сильного языка, каким написан его замечательный роман «Россия, кровью умытая».

Мы хотели быть новаторами, боролись со всем тем, что представлялось нам отжившим не только общественно, но и литературно.

Кто-то писал ритмической прозой — не без влияния манеры Андрея Велого, кто-то из своей поэмы старательно выкорчевывал... рифмы, кто-то применял почти телеграфно краткий язык. «Стиль эпохи!» — утверждал автор. Получалось, конечно, лаконично, но расшифровать содержание его произведений было нелегко.

Артем Веселый в своей повести «Реки огненные» — о двух матросах-братишках — взял да и вычеркнул все знаки препинания...

Эту разбушевавшуюся творческую стихию наши старшие товарищи, в частности автор «Недели» Юрий Николаевич Либединский, решили как-то организовать. Однажды в самой просторной комнате, где постыдный альков давно пошел на отопление, мы за недостатком мест расселись: кто на огромную, расшатанную кровать, а кто примостился на подоконниках. В комнату вошел, с нашей точки зрения, почти по-«нэпмански» одетый человек. Помнится, были на нем

В МОСКВЕ, на Покровке, есть **СТРАНИЧКА ВОСПОМИНИЙ** дом. Возможно,

в девятнадцатом веке дом казался роскошным. Когда я впервые увидела его, с бурными от копоты лепными украшениями, он напоминал грязный торт. На выщербленной, подшивавшейся на третий этаж, лестнице стояло мутное трюмо с зелеными подтеками — словно кто-то щедро хлестнул в него помоями. Дом имел коридорную систему — небольшие комнаты отделялись тонкими, звукопроницаемыми стенками.

В комнатках мы, члены литгруппы «Молодая гвардия», обнаружили останки непонятной нам жизни. Нас удивили и вычурные кресла с изогнутыми, некогда позолоченными ножками и отделанные помпончиками плюшевые, посизевшие от табачного дыма портьеры. Центральное место в каждой комнате занимал так называемый «альков» — там стояла широкая распатанная кровать. Фанерные эти альковы, как видно, некогда были окрашены в игривые тона, но за годы гражданской войны и разрухи, когда дом не отапливался, побурели и потрескались.

В общем, в общежитии первого объединения молодых пролетарских писателей, как тогда мы именовались, так и была в нос чуждая «убогая роскошь наряда».

— Девочки проживали, — равнодушно пояснил старожил, старичок в барской, но облезшей меховой шапке.

Старичок промышлял кустарной вы-

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
2 24 мая 1962 г. № 61

делкой надувных пишущих игрушек «уйди, уйди». Этот представитель «частной инициативы», живое, наглядное воплощение нэпа, был нам также чужд. А слова о некогда проживавших здесь «девочках» мы, молодые люди в потрепанных кожаных куртках и шинелишках, истолковали в прямом смысле — очевидно, здесь в свое время находился детский дом или ясли.

Были мы разные: дружная «троица» с Украины — поэты Михаил Светлов, Михаил Голодный, Александр Ясный; и приехавший из Армавира вхутемасовец Иван Рахилло в ярком ядовито-зеленом шарфе; и крестьянский паренек с овсяными волосами и в едва ли не домотканой рубахе поэт Коля Кузнецов; и широкоплечий волжанин в матросском бушлате **Артем Веселый**; и могильчанин Марк Колосов с буйной гривой медных волос... Женскую часть группы «Молодая гвардия», заселившей дом Покровка, № 3, представляла я, приехавшая с Урала.

Перечень имен, конечно, не полон. В группе, сложившейся вокруг первого толстого молодежного журнала «Молодая гвардия», состояли заметно немногословный, без каких-либо эффектных деталей, но весь какой-то ладный, по-казачки подтянутый юноша Миша Шолохов в кубанке на светлых, чуть выющихся волосах и Саша Безыменский, а позднее Иосиф Уткин, Александр Жаров. Революция застала нас почти детьми, но у каждого из нас были и ней свои собственные пути. Но это большая, особая тема...

Одно я хочу отметить в этих беглых зарисовках.

После гражданской войны почти каждый из нас приехал в Москву учиться. Мы пробоваали свои силы в

«Я гвардия»...

Валерия **ГЕРАСИМОВА**

Сейчас вспоминаются юмористические эпизоды литературного бытия группы «Молодая гвардия». Но если вскрыть суть происходившего процесса, то для наиболее

даже серые гамашики. (Совсем, как у Макса Линдера!) Умные, чуть насмешливые глаза поблескивали за очками в толстой роговой оправе. Это был наш первый руководитель «по прозе» Осип Максимович Брик.

Семинары Осипа Максимовича, быть может, и грешили формализмом, но все же расширили наше представление о литературном мастерстве. Главное же, мы впервые столкнулись с подлинной литературной эрудицией.

Особенно поразил нас — в наши дни, конечно, устаревший и, пожалуй, даже «старомодный», — литературный прием, которым с поразительным искусством пользовался в своих новеллах О. Генри. Осип Максимович познакомил нас с ним на одном из первых занятий.

Надо полагать, что этот, в сущности, не слишком сложный прием известен теперь любому из начинающих. Наш руководитель называл его приемом «обратного эффекта». Развязка фабулы должна быть неожиданной, требовал он. Больше того, прямо противоположной той, к которой всем ходом повествования читатель был подготовлен. Таково построение всех новелл О. Генри, этим приемом нередко пользовался А. Чехов, а в знаменитой новелле Мопассана «Ожерелье» он приобретает небывалую силу выразительности.

Какие только головоломные «обратные эффекты» не разрабатывались участниками семинара в комнатках «Покровки, 3»! Здесь был и индеец, оказавшийся бывшим монахом, и малограмотная старушка-швея, выдававшая себя за бывшую аристократку, которой в свою очередь заказала сшить платье «попроще» рядившаяся под пролетарку дочь священника, и комбриг, случайно оседлавший вместо своей лошади чужого коня, но именно в силу этого победивший на состязаниях...

Молодые новеллисты как истинно новообращенные сходили с ума, подыскивая «эффекты» похлеще. В пылу увлечения мы подчас упускали интеллектуальную значимость, внутреннее содержание произведения, его живое, эмоциональное воздействие.

Но вот однажды именно эта всепокоряющая внутренняя сила истинно

художественного произведения напомнила о себе с особенной выразительностью.

Как-то, сгрудившись в одной из комнат, мы читали друг другу наши очередные, строго построенные по рецепту «обратного эффекта» литературные опысы.

Вдруг без предварительного стука (впрочем, кое-кто из нас считал это тоже одним из предрассудков «старого мира») дверь распахнулась и, чуть пошатываясь, вошел Артем Веселый. Матросский бушлат его был расстегнут, карие, чуть монгольского разреза глаза расширены...

— Что случилось, Артем? — встретились мы.

— Ребята... Случилось... Да что говорить! — Артем с каким-то отчаяньем восторга махнул рукой. — Флобера... «Мадам Бовари» прочел... первый раз!

Поистине, это был исполненный глубокого, поучительного смысла «обратный эффект»!

Это было как бы преддверием второго, куда более серьезного и глубокого этапа нашей литературной жизни... Чтобы понять внутренний его смысл, лучше всего напомнить великий ленинский завет:

«Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало... Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество».

С особенной любовью к бессмертным художникам как русской, так и мировой классики относился приехавший примерно через год после организации группы «Молодая гвардия» дальневосточник Александр Фадеев.

Перебирая свои записи тех лет, нахожу такие его слова: «Рядом со Львом Толстым не могу поставить никого... Вчера перечитывал, казалось бы, такую небольшую по объему вещь, как «Хаджи-Мурат». Перечитывал и поражался. У Льва Толстого даже самая как будто «незначительная» фраза поражает свежестью и силой... Например, в «Воине и мире» в сцене охоты пойманый волк «просто и дико смотрел на людей»! Как удивительно это: «просто и дико».

одаренных представителей молодой советской литературы этой сутью было приобщение к богатству той широкой, многогранной культуры, которую, по выражению В. И. Ленина, «выработало человечество».

Самобытная фигура Артема Веселого в этом смысле очень показательна. Человек из гущи народной, краснофлотец, большевик, Артем Веселый ставил перед собой серьезные художественные задачи; скидки на «социальное происхождение» его возмущали. А ведь надо сказать, что в первые годы становления молодой советской литературы кое-кто пытался выдвинуть даже такой «лозунг»: «Хоть сопливенькие, да свои». Отсутствие художественного дара, а главное, нежелание по-настоящему учиться у великих мастеров литературы кое-кто прикрывал громкой фразой, что главное в новом искусстве — это тематика. Она, моя родная, вывет...

Были, конечно, и иные творчески бесплодные попытки. Случалось, что заумные словесные выкрутасы пытались выдать за нечто сугубо р-р-р-революционное, передовое, отважное...

И все же основное ядро первой молодежной группы поэтов и прозаиков искало и нашло верные пути...

Творчество молодых писателей не выродилось в эпигонство, в подражательность. Слишком ярко и весомо было все то новое, о чем молодые советские литераторы собирались рассказать людям. То, что А. Блок называл «музыкальной революцией», звучало на страницах их произведений.

Сейчас многих из бывлой группы «Молодая гвардия» уже нет в живых, у иных побелели головы.

С болью думаешь и о том, что в период культа Сталина, так и не успев по-настоящему развернуться, погиб такой талант, как Артем Веселый... Да разве он один?

Но вечно живут книги... И могучий «Тихий Дон» Шолохова, и «Разгром» Фадеева, и согретая умной улыбкой поэзия Мигайла Светлова, и суровая правда повестей Артема Веселого, и многое, многое другое...